

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Рассказ

Когда однажды я оказался в городе, где прошли мои студенческие годы, я вдруг особенно явно осознал, как изменился за это время. Прошло всего несколько лет с тех пор, как я окончил институт. Всё осталось прежним и в студгородке, и в учебных корпусах, но я-то был уже другим, и студенческая жизнь казалась мне теперь лишь забытым сном, отчего-то некстати всплывшим в памяти.

Я вошёл в институтскую читалку, огромную комнату с ровными рядами столов, за которыми вразнобой сидели студенты, готовясь к занятиям, и пристроился на свободное место в углу. Мне нужно было провести здесь три-четыре часа до встречи со старым приятелем, но заняться было нечем, и это бессильное бездействие тяготило меня.

Неожиданно кто-то окликнул меня, и я увидел перед собой девушку, лет восемнадцати, с весёлым хвостиком собранных назад волос. Её учебники были разложены на одном из передних рядов, но, заметив меня, она, видимо, подошла ближе и теперь неловко переминалась с ноги на ногу. Я вспомнил её – она училась в моей школе, но гораздо младше, а год назад мы даже встречались с ней у моей бывшей учительницы, и я, кажется, рассказывал об институте и как лучше готовиться к вступительным экзаменам.

Я так долго и пристально смотрел в её лицо, что девушка смутилась.

– Даша? – спросил я, наконец, и она торопливо закивала, радуясь, что я помню, как её зовут.

Я заговорил с ней, и мне было приятно наблюдать, как она отвечает, немного смущаясь и морща лоб. Я спрашивал самые простые вещи: к какому предмету она сейчас готовится, как ей живётся в общежитии, но в тоже время был уверен, что всё, что

я спрашиваю, хорошо и что мне не нужно волноваться, как она воспримет мои слова. Мне нравилось, что я старше, и потому всё, что я делаю, выходит просто и одновременно весомо.

Даша же любые слова принимала всерьёз. И, как делают в таких случаях хорошие и внутренне тревожные девушки, сразу же стала рассказывать о себе так много, что могло показаться – она говорит всё, о чём думает. И только внимательно присмотревшись, можно было понять, что эта открытость от неуверенности и сильного стеснения. Впрочем, мне показалось, что я смогу вывести её из этого состояния, и мне стало легко с ней.

– Ну как, трудно учиться? – спросил я, лукаво улыбаясь, и мы рассмеялись, потому что оба знали ответ.

Мы пошли пить кофе в буфет, а потом я подсел к ней и стал помогать делать задание по математике, с удовольствием отмечая про себя, что ещё что-то помню из программы первого курса. Иногда мы отвлекались, и тогда я рассказывал забавные случаи из студенческой жизни. Даша слушала меня и смеялась, а я чувствовал тёплое расположение к ней, как если бы она была младшей сестрой моего лучшего друга.

Когда мы вышли на улицу, уже стемнело. В воздухе чувствовалась едва ощутимая радостная лёгкость, какая бывает, когда сделал всё, что нужно, а у тебя есть ещё лишние пятнадцать-двадцать минут. И ты можешь идти, сколь угодно медленно, чувствуя, как льются эти минуты, но тебе до них нет дела. Я уже думал о чём-то другом – о встрече со старым приятелем, которая ждала меня сейчас, и о том, что мне нужно было с ним обсудить. Так хорошо и быстро прошли эти три часа, которые должны были оказаться скучными и тягостными.

Я вдохнул. Хотелось напоследок поговорить о чём-нибудь приятном.

– Зайдёшь? – спросила вдруг Даша неожиданно слабым, срывающимся голосом. Я повернулся к ней и удивился тому, что она вся словно уменьшилась. – У меня есть пирожки, правда, позавчерашние...

Некоторое время мы ещё шли молча. Её обессиленная улыбка и этот дрожащий голос – всё это было таким явным, что я удивился, как же мог не замечать этого раньше. Меня сковало боязливое желание не отвечать ничего или пошутить, но не касаться чужого чувства. Я всё ждал, что она сейчас заговорит о чём-нибудь весёлом, и тогда мы пойдём дальше, как ни в чём не бывало, но Даша всё так же потеряно молчала. Мы уже приближались к перекрёстку, где должны были попрощаться, а я чувст-

вовал, что теперь уже нельзя просто сказать, что я тороплюсь или ещё что-нибудь в этом роде, нельзя оставить её одну с этим тоненьким «Зайдёшь?»

– Ты в четвёртом общежитии живёшь? – спросил я раздражённо.

– Да, – тихо ответила она и опять опустила глаза.

Мы остановились, словно завязнув в странном неловком молчании.

– Что ж, и чаем напоишь? – выговорил я вдруг едко, удивляясь своему неожиданно развязному тону. Но она как будто не заметила моей грубости, торопливо закивала и слабенько улыбнулась. И эта её навязчивая покорность вдруг так рассердила меня, что захотелось сделать что-нибудь злое, совсем уж грубое, и тогда я легонько приобнял её, будто желая довести до предела, заставить хоть немного сопротивляться мне. Но Даша только сильнее оробела, и мы зашагали дальше, оба чувствуя неестественность этого ненужного обнимания. А уже через минуту я поспешно убрал руку с её плеча, злясь уже не только на неё, но и на себя.

В лифте ехали молча, чувствуя неловкую близость другого человека. Вышли на восьмом этаже. На площадке перед лифтом было по-обычному накурено и грязно – всё как и несколько лет назад. Даша торопливо прошла вперёд, звякнула ключом и распахнула передо мной дверь в комнату.

– Проходи.

Я с опаской шагнул в темноту, стараясь случайно не налететь на что-нибудь, но уже через секунду Даша включила свет, и я смог оглядеться. Внутри оказалось неожиданно уютно – в маленькой комнатке с двумя кроватями и большим платяным шкафом повсюду висели яркие картиночки, под потолком лениво перекачивались два огромных жёлтых шарика, а в пузатой трёхлитровой банке на подоконнике стояли розы. Я ревниво взглянул на них, и мне отчего-то не понравились и эти цветы, и весёлые шарики.

– Ещё с восьмого марта осталось, – пояснила Даша легко и естественно, не думая. А потом торопливо принялась доставать из холодильника укутанный полотенцем поднос, но пирожки стали выскакивать из подноса, и тогда она отчаянно присела на корточки, чтобы те падали ей на колени. Я засмеялся её неловкости, подбежал, начал помогать, а она вдруг тоже рассмеялась сама над собой. И мгновенно стало как-то спокойно, исчезла

острота – мы снова стали равны, так что теперь я уже ни за что не решился бы приобнять её.

Когда мы собрали пирожки, Даша принялась заваривать чай, а я медленно подошёл к окну. Там, внизу, раскинулись знакомые мне здания, горевшие ровными рядами одинаковых окон. Моя старая жизнь текла за этими окнами, совсем не замечая меня и не останавливаясь ни на секунду оттого, что я уже не живу ею.

Я поглядывал на часы и ждал, что сейчас позвонит телефон, и я скажу Даше, что мне нужно идти. Мне не очень хотелось покинуть эту тёплую комнату, отказываться от чая и пирожков. Но в то же время я знал, что вполне смогу справиться с таким необычным порывом.

В этот момент действительно раздался звонок. Я взял трубку и услышал на другом конце знакомый виноватый голос. А потом с каждым словом моего старого друга мне становилось всё веселее

– Вот, моя встреча отменилась, и у меня теперь свободный вечер, – сказал я и понял, что мне приятно сообщить ей об этом.

– А ты? Ты так и не рассказал, чем занимаешься ты? – спрашивала Даша через полчаса, когда мы шли по освещённой редкими фонарями дорожке от студгородка в сторону дачного посёлка. Здесь было лучшее место для прогулок в этой части города, и мы оба это знали, так что свернули сюда, даже не сговариваясь.

– Рисую иногда, – сказал я и увидел, как обрадовалась Даша, может, ещё и оттого, что это как будто сближало нас с ней, с её романтическими мечтами и надеждами. Но я сразу же перевёл разговор на воспоминания о школе, и мы ещё какое-то время беззаботно болтали об учителях и общих знакомых – тема, на которую можно было говорить вечно.

– Кажется, так давно это было, – сказала Даша взволнованно, а я по-доброму усмехнулся этим словам, потому что давно это было у меня, а не у неё.

Мы шли вперёд, а дорожка становилась всё уже. Где-то совсем рядом, за маленькими одноэтажными домиками, загрохотала электричка – чёрный густой воздух вокруг задрожал от её близкого движения. Дорожка заворачивала налево, к станции, а справа виднелись уродливые, но таинственные очертания незаконченной стройки. Я вспомнил, как раньше мы с друзьями часто забирались на неё и по юношеской глупости лазали по балкам.

– Знаешь, я всегда хотела сходить туда, – неожиданно сказала Даша, будто слыша мои мысли, – но почему-то откладывала... страшновато...

Я невольно улыбнулся этому совпадению и лёгкости, с которой я сейчас мог совершить любой, даже совсем несерьёзный поступок.

– Так давай пойдём, – предложил, лукаво следя за её реакцией – не испугается ли, и заметил, как удивлённо загорелись её глаза:

– Сейчас, в темноте?

Я взял её за руку и настойчиво потянул вперёд. А Даша ещё секунду машинально сопротивлялась, но потом уступила и доверчиво пошла рядом. Шагнули на траву, так что весенняя сырость пугливо захлюпала под ногами.

Подошли к зданию, юркнули в небольшой проём в стене. Я включил маленький фонарик на мобильном телефоне, но всё равно двигался почти наощупь, а потом оборачивался и помогал Даше пройти то или иное место. На лестнице стало легче, и только иногда ещё путь преграждали большие тяжёлые плиты.

Наконец поднялись на крышу и остановились в нескольких метрах от края. Там, внизу, виднелся студгородок, а от него в чёрный прогал леса уходила тоненькая цепочка железной дороги, чтобы потом, почти у самого горизонта, влиться в светящийся тысячами огней город. Вокруг было совершенно темно, а там, вдали, будто разгорался огромный костёр. Я осторожно взглянул на Дашу – она почти не двигалась, иногда только глубоко вдыхая, будто желая вобрать в себя всю эту красоту.

– Как хорошо... – удивлённо прошептала она, но не смела шагнуть ближе.

Несколько минут мы ещё разглядывали открывшуюся картину, переговаривались, показывали друг другу что-то. Но потом вдруг замолчали, и тогда темнота надвинулась отовсюду, а мне почему-то стало тревожно оттого, что мы стоим здесь, отделённые от всего мира толщей чёрного воздуха. Даша тоже почувствовала что-то и осторожно, почти незаметно, дотронулась пальцами до рукава моей куртки. И тогда я на секунду испугался, точно ли смогу вывести её отсюда, не случится ли чего-то непредвиденного в темноте.

Ходил сквозь нас злющий весенний ветер, и я понимал, что ей холодно и что я мог бы сейчас обнять её, заслонив собой и от этого ветра, и от темноты, и мне так сладко стало от одной только мысли об этом. И хотя я понимал, что это даже не влю-

блённость, а только опьянение от возможной взаимности, мне так удивительно и приятно было, что вот сейчас вот так просто, от одного моего случайного движения, мы могли бы стать друг для друга особенными людьми. Но уже через минуту ко мне вернулось прежнее самообладание, и тогда я подумал, что ни за что на свете не совершу сейчас какого-нибудь глупого необдуманного поступка, который дал бы ей ненужную надежду.

– Кажется, ты замёрзла, пойдём, – сказал я, стараясь, чтобы это получилось спокойно и хладнокровно.

Даша осторожно кивнула и как будто даже обрадовалась чему-то.

Потом мы стояли на платформе, прощаясь, а из темноты гулко приближалась электричка. Даша не спросила ни моего телефона, ни когда мы встретимся, будто всё понимала. А я благодарен был ей за это самообладание и за то, что мы попрощались легко и весело. Но когда электричка тронулась, я вдруг представил, что она пойдёт сейчас по тропинке от станции до общежития, в той же темноте, в которой мы стояли с ней, но теперь уже одна, и мне неожиданно стало тревожно за неё. Мимо проносились поля, дома, дороги, я смотрел в окно и с удивлением прислушивался к себе. Но тогда мне ещё казалось, что это только рябь на поверхности души, вызванная ярким впечатлением, которая завтра пройдёт сама собой.

И откуда же было мне в ту минуту знать, что теперь никогда уже не забыть мне этого сильного переживания другого человека рядом, сладкого замиранья от его чувства к тебе, тревоги за него. И уж никак не предвидеть мне было, что после этого случайного вечера моя жизнь уже не может остаться прежней...

НА НЕСКОЛЬКО МГНОВЕНИЙ

Рассказ

В Дивеево я приехал на неделе перед Троицей. Мои знакомые по институту русского языка посоветовали мне не обращаться в паломнический центр при монастыре и в многочисленные гостиницы, а поселиться в деревенском доме на въезде в посёлок, где предоставляли кельи иногородним. Там мне отвели маленькую комнатку, в которой вплотную стояли восемь кроватей, но в те дни паломников было мало, и потому я жил один. В

доме шёл ремонт и, проходя мимо душевой для сестёр, я видел нескольких мужиков, клавших кафель; они громко и матерно ругались друг на друга.

Днём я посетил все святыни монастыря, поклонился мощам святого Серафима Саровского. Вечерняя служба была длинная, но я отстоял её всю и назад шёл в том состоянии внутреннего удовлетворения, какое бывает, когда выполнишь тяжёлое, но правильное дело. Рядом шагали другие паломники, три женщины что-то бойко обсуждали у монастырской лавки. На колокольне зазвонили гулко и немного грустно. Я подал нищему старику у ворот и в приподнятом настроении направился в дом.

Когда я пришёл в свою комнату, то ещё немного полежал, отдыхая, а потом стал вычитывать положенные перед завтрашним причастием молитвы. Я чувствовал особенный настрой, и молитва шла в радость, что нечасто бывало у меня в городе. Вдруг послышался стук. Я поморщился и, торопливо отложив молитвослов, сделал несколько шагов к двери.

В комнату вошёл худощавый человек с большими коричневыми мешками под глазами.

– Здравствуйте, – сказал он, топчась на пороге, – скажите, можно у вас попросить телефон, а то я свой потерял, а мне нужно матери позвонить... Я свою карточку вставлю, не переживайте...

Секунду я сомневался, как бы опасаясь чего-то, но потом постарался как можно быстрее найти свой телефон и протянуть незнакомцу. Тот мелко закивал и заверил, что вернётся через пять минут.

Когда он вышел, я опять встал перед иконой, пытаюсь восстановить потревоженное молитвенное состояние, но на душе стало поверхностно и беспокоино. Слышен был скрип половицы откуда-то снизу и чей-то отрывистый голос.

Мужчина на самом деле скоро возвратился.

– Спасибо, – сказал он, казалось, весь сжавшись. Я взял телефон, но тот не спешил уходить.

– Знаете, всегда жалко, когда люди вот так вот встречаются и даже не узнают ничего друг о друге, – вдруг заговорил он. – Давайте познакомимся. Меня Андрей зовут. А вас?

Я назвалсся. Он подошёл ко мне и, как-то нелепо взмахнув руками, опустился на краешек моей кровати.

– А я вот тут у матушки живу, работаю...

Я кивнул, стараясь быть приветливым и не показать, что мне неуютно. У Андрея был длинный шрам на щеке, а на костлявых руках не осталось места от сморщенных бледных наколок.

– Кто вы по профессии? – спросил он, пододвигаясь ближе, так что я почувствовал стойкий запах табака. А когда узнал, что я занимаюсь фольклором, вдруг оживился. – То есть вы народные истории собираете? А давайте я вам расскажу свою историю?

Я хотел было вежливо объяснить ему, что занимаюсь немного другим и что мне ещё нужно готовиться к причастию, но не решился, и оттого на душе стало тоскливо и противно за свою мягкотелость. Мужчина же, кажется, обрадовался, что я не прогнал его и с воодушевлением принялся потирать руки, подбирая первые слова.

– Освободился я первый раз в двадцать лет и думал, найду себе женщину и завяжу с тюрьмой, – начал он, так что я невольно усмехнулся этому неожиданному началу. – И нашёл, Катей звали, старше она меня была года на три. Мальчик у неё был, Максимка, папой меня назвал. Тёща моя, Лидия Михайловна, говорит: живите, а я ей говорю: да мы живём, Лидия Михайловна.

Он рассказывал хрипло, но со странной неестественной напевностью, будто воображал себя былинным сказителем.

– Как-то поругались мы, я лёг в сени прямо на пол. А там доски у нас лежали неубранные, как вот здесь вот, – продолжал он, показывая на угол моей комнаты, где на самом деле оказалось несколько досок. – Закурил сигарету, лежу – курю. Раз, слышу, а в досках зашуршал кто-то. Я поднимаюсь, раз – никого вроде. Опять лежу, опять слышу. Поднялся, подошёл – нет никого. Лежу, прислушиваюсь. А там опять. Кричу ей, Катя, слышишь ты, кто-то возится в досках, кот что ли? А она мне отвечает с кровати: не бойся, это Славик. Кто, спрашиваю. Славик, говорит, муж мой, он ко мне приходит. Я испугался, спрашиваю, призрак что ли?

– Вот так вот, – улыбнулся он, опять довольно потирая руки. – А через полгода посадили меня на восемь лет, и – в лагерь в Кировской области. И вот, значит, тысяча девятьсот восемьдесят девятый, декабрь месяц. Как сейчас помню, бросили меня в штрафной изолятор, это если провинишься, тебя в штрафной изолятор сажают. И вот сижу я такой, а мороз шестьдесят четыре градуса, кому говорю, никто не верит. Так вот курточку на голову натянул, и дышу в неё, греюсь, – он подскочил с кровати и, присев на корточки, стал сильно выдыхать, показывая, как он грелся. – И тут слышу – шорох в дверь. Смотрю – стоит такой, как образ, неживой. Я спрашиваю: ты кто такой? Он говорит: Я

Славик, пошли со мной. А я так для себя думаю – это ведь бес ко мне пришёл, он мне предлагает петлю на шею себе набросить. Тогда я дурачком прикинулся и спрашиваю: а куда идти-то надо? Он мне говорит: а туда, где мы живём. Нас много, мы весь день развлекаемся, людей пугаем. Я говорю: не верю тебе. А он: сейчас я тебе покажу. И тут как будто из меня что-то вышло, и одни губы остались, мы с ним взлетели над тюрьмой и летим. А там вышка, я ему кричу: меня же сейчас охранник застрелит, и смотрю, а вертухай на вышке и правда автомат вскинул и стреляет, а мне хоть бы что. Дух ведь нельзя убить, понимаешь, он ведь дух! Вернулись мы, и тогда меня тот спрашивает: ну, что, убедился? Убедился, говорю, но ты бес, сатана, я с тобой никуда не пойду... И пять лет он меня мучил, шептал, и в образе скелета приходил... А я ничего! Смирение, знаешь, это самое большое оружие, когда человек смиряется, бес убегает...

Я недоверчиво смотрел на него. Конечно, я много читал похожих историй, так что удивить меня было сложно. Но во всех движениях мужчины была странная нервная эмоциональность, казавшаяся мне неестественной. Я подумал вдруг, что он где-то подслушал этот забавный рассказ, и теперь с удовольствием пересказывает его каждому паломнику.

– И вот в девяносто седьмом я вышел, женщина у меня появилась, Марина, жили мы с ней хорошо. А в девяносто девятом опять посадили. Да, нет, это по глупости, – заторопился он, замечая мой неодобрительный взгляд. – Один дружок сказал, давай, квартиру обворуем, там сигнализации никакой нет, а денег – миллион. Залезли мы туда, а там ничего и не оказалось... Да вы не переживайте, я у вас ничего не украду, потому что я знаю страх Божий. Вот мне понадобился телефон, я ведь пришёл и попросил... Мне матери только позвонить надо было, она старушка, ей восемьдесят два года...

Он так сказал это, что мне отчего-то разом стало стыдно. Я вдруг подумал, что если всё это правда: и бес, и больная мать – то как я могу вот так свысока рассуждать об этом человеке и подозревать его во вранье.

– Вот, – тем временем продолжал Андрей. – На этот раз меня отправили в Белый лебедь. Не слышали про такой? Там уголовников ломают, воров в законе всяких. Ну, я-то, конечно, не уголовник, я просто мужик... Приезжаешь туда, и тебя сразу бьют. Вот, заходишь, сразу дубинкой по башке, загоняют в туалет, потом бежишь по коридору, а потом раз – и начинают избивать. Потом раздевают догола, вещи отнимают, и в камеру!

Какие же мы уголовники, мы же люди, а они из нас кого делают?! Кормят, правда, неплохо, но и бьют прилично! Это когда вам говорят, что у нас демократия, не верьте, это всё – блевотина, везде бьют, и везде за скот считают! – закончил он, сжимая руку в кулак.

– Потом меня перевели в посёлок Нерыб, там уже Красный лебедь, кругом одни лебеда, – усмехнулся он уже совсем невесело, с какой-то неясной тоской. – Так вот там-то всё и случилось! Сидел я опять в изоляторе, папироска у меня была припрятана. И так закурить захотелось, неважину – спалили меня! Прибежали солдаты и стали избивать. А потом завхоз говорит: ну, доживи до утра. Мол, начальник придёт утром, и смерть тебе. И тогда я взмолился, так взмолился – Господи помоги мне! А утром заходит начальник, полковник, весь такой чистый, в рубашечке, и начинает меня бить. А раз попал по больному месту, по локтю, а я не выдержал, и так про себя – сука... А он услышал! И тогда я понял, что конец мне, и только молюсь про себя – Господи, прими мою душу с миром... И представляете, не убил. Бросил в коридоре, пришли солдаты, говорят, иди в камеру. А я зайти не могу, ползу на коленках. В обед пришли из санчасти, дали мне цитрамон, таблеточку.

Я видел, что он был в сильном болезненном вдохновении. Голос его хрипел и срывался, так торопился он рассказать.

– Но что самое главное! Лежу я тогда на спине в камере, курточкой прикрылся с головой, думаю – умирать, да и пусть! И слышу голос: «Андрей», вроде женский, думаю, это моя Марина. Я раз – куртку снимаю и испугался даже, думал, что я в аду – кругом огонь, свет. Вот не сойти мне с этого места! Стен нет, потолка нет. Это необъяснимый, неземной свет! Клясться не хочу, но я видел этот свет. И вот теперь за него и страдаю... Несколько раз потом я слышал этот голос, и всё повторял он – найди завет, прочитай завет. И тут по воле Божьей меня положили в санчасть. И там я и нашёл этот Новый завет, стал читать, и представляете – всё стал понимать! Мне открылась истина! И сегодня, например, ко мне пришёл батюшка Серафим, говорит: ты ведь спастись приехал, так спасайся, а ты всё пьянствуешь!

Он горько уронил голову и вздохнул. Я хотел было начать утешать его, но не мог ничего сказать. Я подумал, что совершенно не знаю этот грубый мир таких людей, как Андрей, а в нём, возможно, гораздо больше Христа, чем во мне... И тогда на душе у меня стало пусто от ощущения своей чёрствости.

– У меня вот всё это в голове, – тем временем, договаривал Андрей, уже медленнее, как бы машинально, – я проповедую, рассказываю, я Завет знаю наизусть. Я каялся, мои слёзы покаяния, но я недостоин, я грешник такой, что земля должна разверзнуться...

Он замолчал и теперь только осторожно покачивался, глядя перед собой. Стало тихо, и слышно было, как на окне вразнобой пищат комары. Я чувствовал, что хочу остаться один, но отчаянно боялся, что Андрей заметит это. Я ждал, что он опять начнёт говорить, и приготовился всеми силами показать ему свою доброжелательность, но вдруг он встал и начал прощаться. Я с чувством пожал сухую ладонь.

Когда он ушёл, я ещё долго сидел в полумраке своей маленькой комнаты. Где-то за окном лаяли собаки, шуршала от ветра деревенская дверь. И тогда меня поразило странное ощущение, будто в безобразном мире безобразные люди сталкиваются друг с другом, что-то делают, что-то говорят, но ни одно их движение не случайно, и в каждом есть смысл. Я знал, что скоро мне станет стыдно за мою наивность, но я старался сохранить это ощущение осмысленности хоть на несколько мгновений.

Пока оно ещё не скрылось от моего взгляда завесой будничной лицемерной реальности.